

Время, неумолимое и бесконечное, сменяло весну, лето и осень, пока в суровую зиму не расцвела белоснежная роза.

На самом западе звездного сектора Инсект, на планете №062 —

Тепло.

Сыро.

Журчание теплой жидкости, ударявшейся о полупрозрачную мембрану яйца, рождало глухой шорох, словно прибой темно-синего океана, набегающий на песчаный берег. Казалось, можно было даже услышать трение влаги о стенки оболочки. В то же время он слышал и другие звуки — стук сердца, движение крови по сосудам, липкое скольжение по гладкой поверхности, а еще — яростный, завывающий ветер, что бушевал где-то там, снаружи, за пределами этого пространства.

Гу Ци даже чувствовал во рту приторный привкус крови. В нем было больше соли, чем в его любимом сливовом вине, и этот вкус, словно околоплодные воды матери, полностью обволакивал губы. Он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, не ощущая этого удушливого, всепроникающего тепла.

Как же комфортно.

За все годы учебы в военной академии Гу Ци впервые почувствовал такую блаженную безмятежность. Словно он покоился в материнских объятиях, наполненных успокаивающим ароматом, от которого мысли расплывались. Ему хотелось закрыть глаза и погрузиться в этот ласковый прилив еще глубже.

— Погоди!

Гу Ци резко вырвался из этого оцепенения. Он вспомнил — он сирота, откуда у него мать?

В горле застрял сдавленный вздох. Когда он наконец открыл глаза, на него нахлынули недавние события: они направлялись на задание, звездолет Монмартской империи бороздил просторы космоса. Пункт назначения держался в строгом секрете, о нем знали лишь офицеры, а они, группа курсантов из трущоб, могли лишь следовать за основным флотом.

Потрясение было настолько сильным, что он не мог сосредоточиться на мысли о собственной видовой принадлежности. Сердце, колотившееся в груди, было связано с каждой нервной клеткой его тела, и он отчетливо ощутил исходящую откуда-то злобу.

Гу Ци понял — это конец.

В темноте космоса расцветали оранжевые, почти алые всполохи, затмевая собой даже звезды. Когда оглушительный грохот наконец стих, Гу Ци решил, что погиб вместе со звездолетом в этом пламени.

Но он выжил. Только вот этот жар взрыва... казалось, он исходил изнутри самого корабля.

Гу Ци невольно потянулся ощупать себя.

А этот хвост...

Он умер, но возродился.

Хвост был бледно-мясного, розоватого оттенка, на вид довольно плотный, но при этом удивительно изящный, с пугающе притягательной, лоснящейся округлостью. Ниже поясницы он плавно переходил в бедра, образуя совершенные линии. Этот неведомый орган был длиной почти с его человеческие ноги, и когда этот плотный, сросшийся массив плоти оказывался на теле, это выглядело странно, балансируя на грани гармонии и уродства.

Гу Ци на мгновение потерял связь с реальностью.

Вместо победных горнов по прибытии его встретили взрывы, разлетающиеся осколки, рушащиеся стены, фонтаны крови...

Офицер уверял их, что это простая миссия сопровождения, полная безопасность, а задача новобранцев — лишь патрулировать звездолет и следить за комфортом важных персон в VIP-отсеке.

Эту боль никто не захотел бы испытать дважды.

Однако, очевидно, реальность не закончилась смертью.

Даже сквозь толщу жидкости он чувствовал эту липкую, гладкую влажность. Ощущения под пальцами напоминали ему о морских слизнях или моллюсках, которых он никогда в жизни не касался.

Холод пробирал до костей, проникая через поры прямо к нервным окончаниям, словно вьевшаяся зараза. Он охватил всё тело, волосы на затылке встали дыбом, а пряди расплылись в теплой жиже.

Гу Ци открыл рот, чувствуя полное бессилие. Теплая жидкость хлынула внутрь, но зрение прояснилось, позволяя осознать происходящее.

Он не мог определить, к какому виду относится, но был уверен — это точно не змея. Пройдя полевую подготовку, Гу Ци знал, как выглядят змеиные хвосты, некоторые из них даже входили в его рацион для выживания.

Он попытался пошевелиться, волоча за собой тяжелый, мясистый хвост, но в тесном пространстве мембраны тот стал лишь обузой. Сделав пару движений, Гу Ци начал задыхаться, глотая теплую жидкость. Казалось, человеческое дыхание больше не имело значения.

Он жив, но он не человек.

Это был хвост.

Он предположил, что находится внутри полупрозрачной оболочки. Конечности, некогда ловкие, теперь казались закованными в цепи, слишком тяжелыми, чтобы пошевелиться. Посмотрев на свое нижнее тело, погруженное в жидкость, он невольно выпустил несколько пузырьков воздуха.

— Рой? Новорожденная Мать Насекомых? Убейте его.

Ледяная стужа, жажда убийства, обида, ненависть, отвращение — всё это нахлынуло разом, подобно штормовой волне, способной потопить утлую лодчонку. Эта злоба могла поглотить Гу Ци, только что пережившего смерть.

Вскоре в его сознание ворвались голоса других существ:

— Убейте его.

— Да, убейте!

— Лицемерный предатель, раб человечества.

— Не вижу лучшего способа поприветствовать рождение Матери Насекомых, чем смерть.

— Согласен.

Шум голосов в голове Гу Ци смешался. Нервное возбуждение позволило ему понять, что это были мысли разных существ — или, вернее, Насекомоподобных. Гу Ци внезапно осознал свою сущность, словно ответ был предначертан свыше: он — новорожденная Мать Насекомых, которую сородичи отвергли едва ли не с момента появления на свет.

Согласно учебникам, после эпохи дикого роя каждая рожденная Мать становилась ядром, драгоценной жемчужиной, которую оберегали все. Но реальность явно расходилась с теорией.

Он не был сокровищем. Он был сорняком, от которого хотели избавиться как можно скорее.

Юноша внутри мембраны насмешливо скривил губы и сжал кулаки. Беспричинная злость сородичей вызывала отвращение, а гнев, текущий в крови, заставил его мысленно дать отпор этим голосам.

Он не мог говорить, будучи погруженным в воду, и не мог, подобно чужим, передавать мысли с помощью ментальной энергии. Ему оставалось лишь принимать потоки ненависти и слушать планы о том, как его выследят и убьют.

Тц...

Удручающе. Возможно, он первый в истории Мать Насекомых, которого возненавидели еще до вылупления? Но почему? Он не понимал этой ненависти... Или, может, они уже знали, что он был человеком?

Гу Ци скривился. Он решил пока не обращать внимания на тех, кто точит на него зубы, а подумать, как изменить свое положение. Раз уж его хотят убить, нужно попытаться сберечь эту вторую жизнь, доставшуюся такой ценой.

Но прежде чем он успел предпринять новую попытку выбраться, его накрыла волна сонливости. Снова нахлынул прилив. Гу Ци, словно крошечная жемчужница, уносимая волной, с обнаженным влажным телом, постепенно погружался в забытие. Его полуоткрытые губы, словно в нежном шепоте любовников, разомкнулись, пропуская соленую воду. Юноша, не в силах сопротивляться, закрыл глаза и окончательно потерял сознание.

Внутри мембраны задрожали круги на воде.

Новорожденная Мать Насекомых погрузилась в сон. Руки, лишенные контроля, медленно покачивались в теплой воде, розовый хвост под белоснежным животом слегка свернулся. Ниже красивых линий бедер виднелась алая щель, напоминающая сочную мякоть плода, пробуждающая бесконечные фантазии.

В то же время —

На востоке звездного сектора Инсект, на фоне усыпанного звездами космоса, парил огромный, холодный механический звездолет. Его серебристо-серый корпус, покрытый редким минеральным составом, мерцал в пустоте холодным, притягательным светом.

Это был корабль фракции Серебряных Доспехов — элиты Насекомых, обладающей огромной силой и высоким статусом. Они были холодны и горды, а фамилия Серебряный Доспех отличала их как аристократию.

Внутри звездолета, в сером коридоре, Лусиэн Иньцзя, высокий, с прямыми серебристыми волосами, двигался стремительно. Его черный плащ развевался за спиной, подчеркивая острые

черты лица. Его облик, словно высеченный из ледника, был холодным, а глубокая складка между бровей напоминала вечную печать.

Следом за ним шли другие Насекомые в строгой черной форме, безмолвные, словно роботы. Тишина прервалась, лишь когда Лусиэн вошел в главный центр управления.

На полустене-экране мелькнули тени, явив увеличенное изображение медовой ладони. Камера сфокусировалась: четкие суставы, длинные пальцы, под кожей которых проступали бледно-голубые вены, излучающие безмолвную сексуальность. Вскоре владелец руки отступил, и на экране появилось лицо — столь же красивое, как у Лусиэна, но совершенно иного типа.

— О-о-о, дай подумать. Сколько мы не виделись после последнего собрания? Три года? Пять? Или восемь?

Человек на экране принадлежал к другому знатному роду, противоположному Серебряным Доспехам — Алому Роду.

Ангэсы Синхун улыбался, глядя на ледяного Лусиэна. Он накручивал на медовый палец прядь огненно-рыжих волос. Его мощные грудные мышцы скрывались за V-образным вырезом, а на коже виднелся скрытый красный узор. В глазах того же цвета плясали искры злобы, словно у ребенка, задумавшего шалость.

Конечно, сила Ангэсы была в сотни раз опаснее, чем у озорного мальчишки.

Он произнес:

— Я почувствовал это. Ты ведь тоже хочешь убить его?

— Да.

Лусиэн слегка опустил подбородок, черный высокий воротник скрывал его горло, обнажая лишь полоску холодно-белой кожи. Он задумчиво погладил свои черные кожаные перчатки — это была его привычка во время раздумий.

— Думаю, у тебя те же мысли.

— Разумеется.

Общая цель делает врагов союзниками. Тем более для таких высокоуровневых Насекомых, как они, убийство Матери было давней мечтой, семенем ненависти, проросшим за тысячи лет.

Ангэсы кивнул, на его губах заиграла холодная усмешка, эхо которой отозвалось в сознании Гу

Ци:

— Как я и сказал, смерть — единственное пристанище для Матери. Алому Роду не нужно ее появление.

Внезапно в центре управления раздался резкий сигнал. Подчиненный доложил:

— Господин, входящий запрос на связь.

Ангэсы на экране радостно захлопал в ладоши:

— Это наверняка Айвэй.

Лусиэн:

— Соединяй.

— Есть!

Экран разделился надвое. После короткого мерцания появилась ослепительная красавица с золотыми волосами и зелеными глазами. Она постучала по старинной курительной трубке, и тонкая струйка дыма окутала ее изысканное лицо. Алые губы, пухлые и влажные, произнесли слова, острые, как лезвие ножа:

— Мать проснулась, почувствовали? — Айвэй Цзинь встряхнула трубку, и дым вокруг нее, словно живой, сложился в форму розы. Она была прекрасна, но опасна.

Хлоп-хлоп.

Ангэсы поаплодировал:

— Достоянная наследница Золотых Крыльев, твой контроль над ментальной энергией по-прежнему безупречен.

— Сравнения с Матерью неуместны, — в глазах Айвэй читалась усталость. Она коснулась красным ногтем нижней губы, и в ее зеленых глазах мелькнуло раздражение, смешанное с глубокой пустотой. — Я почувствовала это в ментальной связи. Вы тоже хотите его убить, не так ли?

Ненависть, оставшаяся в воспоминаниях, окрасила ее зрачки в густо-зеленый цвет. Теперь, будучи наследницей Золотых Крыльев, она обязана отомстить за брата. А новорожденная Мать, которую когда-то называли ядром, из-за кровавой вражды должна была стать главной мишенью.

Для Айвэй и других высших Насекомых Мать, способная подчинить себе весь Рой, не должна была существовать. Это была не ядерная опора, а бомба замедленного действия, способная повторить трагедии прошлого.

Красавица резко встала, опираясь руками о стол. На ее белоснежной коже на мгновение вспыхнул золотистый узор в форме крыльев.

— Вы объединяетесь?

— Нет, нет, нет! — Ангэсы преувеличенно покачал головой, его рыжие волосы разметались, отбрасывая тень на лицо. — Союзники — не значит единый фронт.

Лусиэн, все это время молчавший, добавил:

— Кто первый, того и добыча.

— Соревнуемся, кто первый найдет Мать? — Айвэй прищурилась, задумчиво постукивая пальцами по столу. — Хотя мы знаем, что Мать родилась, интенсивность сигнала пока слабая. Думаю, она еще не вылупилась?

Лусиэн кивнул:

— Ментальная связь внутри яйца.

— Тц, ну конечно, это же Мать. Даже до вылупления такая мощная энергия... — Ангэсы помрачнел, от былой беспечности не осталось и следа, ее сменило отвращение. — Такой твари лучше сдохнуть!

Айвэй холодно хмыкнула, вспоминая неприятное прошлое.

— Тогда решено. Кто первым найдет, тот и убьет, пока она не повзрослела. Иначе, если она вылупится... Впрочем, не важно. Не хочу терять время. Увидимся, когда найдем ее.

Она оборвала связь, не желая продолжать пустые разговоры.

— Какая холодная и безжалостная Айвэй! А ведь когда-то была такой милой младшей сестренкой! — Ангэсы пожал плечами и, потирая подбородок, обратился к Лусиэну: — Слышал, ты все еще ищешь?

Вопрос повис в воздухе, и в центре управления на мгновение воцарилась тишина.

Лусиэн замер. На его холодном лице впервые промелькнуло едва заметное изменение, но он тут же взял себя в руки. Если бы Ангэсы не знал его с детства, он бы ничего не заметил.

— Да, — тихо ответил Лусиэн. — Айвэй тоже не сдаётся.

— Ха, столько времени прошло...

Взгляд Ангэсы стал расфокусированным, словно он погрузился в далекие воспоминания, но за ними скрывалась лишь пустота.

— Да плевать. Ищите, если хотите, мне уже все равно... Те воспоминания такие туманные, я ничего не могу вспомнить. А сейчас я хочу лишь одного — убить эту еще не вылупившуюся Мать.

Ангэсы издал странный смешок:

— Как же я ненавижу тех, кто носит титул Матери...

Перед тем как связь окончательно прервалась, он добавил:

— Бросьте это дело. Мы лишь те, кого предали. Убить Мать — вот наша главная задача.

Глаза Лусиэна потемнели, в них мелькнула мрачная искра и тут же погасла.

Никто из них не мог скрыть своей жажды убийства. Никто из высших Насекомых не хотел повторения трагедии, случившейся сотни лет назад.

На другой стороне звездолета Серебряных Доспехов мужчина с короткой стрижкой «ежик» шел по тихому коридору. Он взглянул на центр управления в конце пути, отошел на несколько шагов и нажал кнопку на коммуникаторе. Его ловкие пальцы быстро удалили все записи.

— Апу, господин зовет тебя.

Другой Насекомый заглянул за угол, и мужчина, которого называли Апу, тут же ответил:

— Иду.

Апу быстрым шагом направился к центру управления и доложил Лусиэну:

— Господин, все готово.

Лусиэн почти равнодушно кивнул:

— Начинайте отслеживание.

— Слушаюсь. — Апу склонил голову, в его глазах блеснул быстрый темный огонек.

Бескрайний космос менялся каждый день. Три самые мощные и древние фракции Насекомых — Серебряные Доспехи на востоке, Алый Род на севере и Золотые Крылья на юге — внезапно предприняли новые действия. Лидеры, которые раньше не покидали своих территорий, одновременно начали движение в одном направлении —

На запад, в пустоши, где они впервые почувствовали присутствие Матери.

В бездну, забытую богами.

<http://bllate.org/book/21239/2148734>